

Рыбка с хвостом в мировом океане

Лариса МИЛЛЕР

экран ч. сцена -
2000. - окт. (~ 36-37) -
45.

Я даже не заметила, как начался спектакль. Думала, что актеры просто общаются друг с другом в ожидании публики: в тот вечер на дорогах по какой-то причине были пробки, и многие опаздывали. Но даже когда стало ясно, что представление началось, чувство, возникшее вначале, не пропало. По-прежнему казалось, что мы случайно стали свидетелями чужого разговора, который нас так сильно задел, что, вместо того, чтобы встать и уйти, мы продолжали сидеть и слушать. Да еще и встрять готовы. Спонтанность, ощущение, что каждая реплика рождается здесь и сейчас, присутствия всем пьесам Евгения Гришковца: и спектаклю «Записки русского путешественника», поставленному Иосифом Райхельгаузом в «Школе современной пьесы», и исполняемой самим Гришковцом монодраме «Как я съел собаку», и другим.

«Текст можно дополнять собственными историями и наблюдениями. Те моменты, которые особенно не нравятся, можно опускать», — пишет Гришковец в примечании к пьесе «Как я съел собаку». Рискованное предложение. Неужели автор не боится чужого вторжения? Неужели не опасается, что будет разрушена его аура? Но вот В.Стеклов и В.Бочкарев, замечательно играющие в «Записках русского путешественника», поступили, как предлагает автор — дополнили пьесу своими историями, но авторскую интонацию сохранили. И как не дополнить? Ведь Гришковец пишет о том, что было или есть у всех — о детстве, школе, родителях, друзьях, природе, о разных житейских мелочах. Сказала — «пишет» и увиделись: неужели — пишет? Его пьесы выглядят, как импровизация, устное творчество, не зафиксированное на бумаге.

Но совсем недавно в магазине «Театральные книги» на Страстном бульваре я купила тонкий сборник с двумя пьесами — «Зима» и «Как я съел собаку» («Новая пьеса», 1999г) — и обнаружила, что они прекрасно читаются. То, что воспринималось, как устная речь, абсолютно нечитабельная при механическом перенесении на бумагу, оказалось замечательным текстом — легким, живописным, пластичным, насыщенным. И к тому же сохранившим свою спонтанность.

Слова-паразиты типа «ну», «в смысле», «как бы», «как-то» оказались на месте и не только не утяжеляли фразу, но даже добавляли ей живости и энергии. Судите сами: «**Но тут было дело посерьезнее, здесь было... Это, как, знаете... Идешь в школу, темно, потому что зима. Все очень знакомо, все звуки мешают жить. Ну, вот такая тропиночка по снегу, деревья, снег. Впереди маячат другие бедолаги, какие-то мамы дергают вялых первоклассников. Снег, ветки, холодно.**» Это автор о себе пишет. И обо мне. И о вас. Потому что именно так ходят темным зимним утром в присутственное место. «Снег, снег» — твердит автор, силясь передать свои ощущения. «**И ты идешь, но это хуже всего, это горе, это нестерпимая...**», — заикается он, понимая тщету своих усилий.

— Хватит! Не продолжай, — хочется сказать автору, — мы уже все увидели: и тропиночку, и снег, и деревья, и фигуры в темноте. Именно так и бывает.

— Как — так? Я же ничего еще не сказал, — вправе удивиться автор.

— Разве не сказал? А мне показалось, что сказал.

— Нет, я только произнес: «Это, как, знаете...».

— Но этого достаточно. Больше ничего и не надо.

Какой абзац в пьесе ни возьми, — снайперское попадание. А из чего и

чем стреляет автор — непонятно. И ладно бы такое чувство возникало, когда речь идет о знакомых вещах. Но вот я читаю про армию, в которой никогда не служила, и опять узнавание. Почему? Да потому, наверное, что людская психология везде одинакова. Я не служила в армии, но училась в школе. Не занималась строевой подготовкой, но сидела на комсомольском собрании. Не драила туалеты и палубу, но вкалывала на целине. И самое интересное, что, как недавно выяснилось, для подобных эмоций совсем необязательно быть российским гражданином. Я с изумлением узнала, что на театральном биеналле в Бонне зарубежный зритель реагировал точно так же: бил себя по коленкам и приговаривал что-то, что можно перевести так: «Ну надо же! Это прямо про меня!» Уверена: дай такому зрителю волю, разреши поучаствовать в спектакле, он сделает это с удовольствием, дополнив пьесу сценами из собственной жизни.

В одном из недавних номеров Литгазеты (кажется, в 3-м за июль) было напечатано интервью с голландским режиссером Иосом Стеллингом, в котором он, в частности, рассказал, как однажды посетил со своими детьми суперсовременный, похожий на планетарий кинотеатр, где посмотрел два фильма: «... один из них был о Вселенной, а другой — о путешествии

внутри человеческого организма. Так вот, особых различий нет, — говорит Стеллинг. — Организм — такая же Вселенная. Те же самые образы, та же система. Ты можешь сосредоточиться на своем внутреннем мире, что дешевле и проще; а можешь на сакральном и вселенском...». Гришковец сосредоточился на внутреннем, и мы с восторгом следуем за ним. Такие удивительные, хоть и давно всем известные вещи, происходят на планете «Человек». Сначала ты вообще «рыбка с хвостом», потом весишь три с половиной килограмма, а потом «бегаешь, бегаешь целый день по двору, орешь, хочешь, выдумываешь всякие странные затеи. Ручки-ножки новенькие такие, ничего не болит... Или бегать — бегать, а потом упасть в снег и увидеть, ВДРУГ, ночное небо, звезды, и думать о бесконечности... «БЕСКОНЕЧНО», как взрыв. Перехватывает дыхание...». Планета «Человек» — во Вселенной, конечно — в бесконечном, вселенский масштаб, в котором существуют предельно малые величины — вот что поражает в пьесах Гришковца. Смотрит ли герой мультики, в строю ли стоит, письмо ли домой пишет, — «но вдруг, придет в голову мысль — наш корабль плывет по поверхности планеты Земля. Это мировой океан, а по его поверхности плывет железный такой..., а на нем 128 человек. А вокруг воздух, а дальше — космос, другие планеты!». Но даже если бы и не было слов о вечном, космический масштаб присутствовал бы все равно. Трудно сказать, по какой причине это происходит. Может быть, благодаря тому, что автор, нигде не застревая, легко перескакивает из одного времени и пространства в другое. А многозначия, которыми пестрит текст, как будто специально оставлены для того, чтоб мы, припомним что-то свое, откликнулись на авторскую реплику, и чтоб в результате возникло эхо, некий гул, усиливающий звучание сказанного. Удачное оно место нашел для своих монологов — место, где возникает эхо.

Только не оказалось бы все это тупиком. А такая опасность существует. Автор повторяется. Я это заметила, когда после спектакля в «Школе современной пьесы» смотрела монодраму «Как я съел собаку» в исполнении самого автора. Оба спектакля очень хороши. Но интонация, слегка спотыкающаяся манера говорить, даже отдельные выражения («из себя», например) — все знакомо. У Гришковца свой ни на кого не похожий почерк. Он пишет свежо. А писать свежо — как носить слишком маркую одежду: каждое пятнышко в глаза бросается. Такому автору надо себя особенно блюсти. И уж, конечно, не повторяться. Повторяться для него — все равно что производить продукт второй свежести.

Легко сказать — не повторяться. Но все его пьесы — принципиально бессобытийны. Это всегда поток сознания, внутренний монолог, остающийся монологом даже тогда, когда его произносит двое, трое. Много ли можно наплодить таких пьес? К тому же, они не сценичны. Их трудно ставить. Вот сделал Шамиров спектакль «Зима» — шумный, пестрый, с разными наворотами, а смотреть невозможно. «Poshlost», — как выразился бы Набоков. К Гришковцу этот спектакль никакого отношения не имеет. Вместо одинокого голоса человека, каким является театр Гришковца, — несусветный ор, от которого у актеров краснеют лица и набухают жилы на шее. Это тот случай, когда сотворчество, к которому приглашает автор, рождает чудовищ.

Впрочем, не будем стоять над душой у художника. Предоставим ему самому решать, что с собой делать дальше.

А пока поздравим друг друга с тем, что появился совершенно новый, абсолютно современный театр — театр Гришковца. Не элитный, не массовый, обращенный не к публике, а к отдельному, блуждающему в пространстве и во времени человеку, о котором поэт сказал: «Как страшно первому лицу в единственном числе».

● Иосиф Райхельгауз, Василий Бочкарев и Владимир Стеклов в спектакле «Записки русского путешественника»